

Поученія настоящей войны.

Самое внимательное теоретическое изученіе боевых приѣмовъ арміи противника не можетъ дать такихъ результатовъ, какъ практическое съ ними знакомство въ мирное и особенно въ военное время. Само собою разумѣется, что этому практическому ознакомленію должна предшествовать соотвѣтственная теоретическая подготовка; иначе урокъ можетъ быть слишкомъ тяжелъ и можетъ дать много неожиданностей, которыхъ легко было бы избѣгнуть сравнительно небольшой предварительной работойъ.

Показанія участниковъ боевъ вполне подтверждаютъ особенности нѣмецкихъ боевыхъ приѣмовъ, извѣстныя намъ еще въ мирное время: широкое примѣненіе огня, стремленіе сразу двинуть въ цѣль большое число стрѣлковъ, нелюбовь къ штыку; склонность и кавалеріи работать огнемъ, въ пѣшемъ строю; обильное снабженіе войскъ техническими средствами борьбы и стремленіе при оборонѣ возможно полнѣе использовать задерживающія атакующаго подъ огнемъ всевозможныя искусственныя препятствія.

Нѣмцы не жалѣютъ денегъ на оборудованіе арміи въ мирное время и не жалѣютъ людей въ военное время, требуя отъ нихъ максимума того, что они могутъ дать.

Но можетъ ли дать нѣмецкій солдатъ то же, что даетъ нашъ русскій? Повидимому нѣтъ: за всѣми техническими усовершенствованіями и «устрашающими» боевыми приѣмами въ германской арміи стоитъ *человѣкъ*, который далеко не имѣетъ тѣхъ высокихъ духовныхъ качествъ, кои присущи русскому.

А потому, познакомившись съ приѣмами борьбы тевтоновъ и противопоставивъ имъ соотвѣтствующіе свои, не вправѣ ли мы твердо вѣрить, что у нашей арміи есть всѣ даппыя сломить жестокаго врага, несмотря на его пресловутое первенство въ военномъ дѣлѣ? Надо лишь использовать духовныя богатства наши, а умѣнье сдѣлать это зависитъ не только отъ природнаго дара вождя, но и отъ знанія той науки, которая такъ выдвинулась за послѣднее время—военной психологіи.

Настоящая война ясно подтверждаетъ, что энергичная творческая дѣятельность вождя должна опираться на большія и многостороннія знанія.